

2. Строгое восстановление глухих кажется нам более сомнительным. Надо различать их в двух положениях.

а. Известно, что в слабом положении они исчезают уже с XI в.: на Тмутараканском камне 1076 г. уже стоит «князь Глеб», а не «кнѣзь Гълеб»,⁸ в Мстиславовой грамоте последовательно проведено «князь», «княжение», «Всеволод»; на черниговской чаре около 1150 г. стоит «князя». Поэтому поскольку в тексте «Слова» 33 раза стоит «князь» без ера, то нам кажется излишним восстанавливать его во всех 33 случаях: такая реформа ведет именно к болгаризации памятника.

б. Сложнее вопрос о глухих в сильном положении: однако, как говорит С. П. Обнорский, «в сильном положении, „ъ“ и „ь“ должны были уступить место гласным полного образования еще в период XII—XIII вв.».⁹ Особенно это должно было быть заметно в протяжном чтении или пении (а «Слово», вероятно, пелось под звуки гусель). В тексте «Слова» довольно последовательно проведено русское прояснение глухих: заменять ясные фонемы «клектom», «подперь» неудобными для пения формами «клькѣтъмь», «подьпѣрь» приводит к ненужной архаизации, т. е. именно болгаризации текста.

3. Мы полагаем, что нельзя так решительно ставить «я» и «ю» после шипящих и «ц», как это делает проф. Нахтигаль. Опять-таки следует провести различие между двумя случаями.

а. В памятнике, как отметил С. П. Обнорский, наблюдается решительное преобладание начертаний с «а»: выдержанные написания «жа» (10 случаев), «ща» (7 случаев) и «ша» (43 случая) при одном только примере «рассушась», всегда «ца» (14 случаев) и колебание лишь при «ч» (29 случаев «ча» и 11 случаев «чя»)¹⁰ Трудно думать, что все 103 указанных случая отвердения — против 12 случаев смягчения — появились под пером позднейших писцов, тем более, что отвердение шипящих ясно наблюдается в подлинных памятниках XII в.: «държа» в Мстиславовой грамоте и «чара... Давыдовича» на чаре 1150 г. Вероятно, в оригинале «Слова» преобладали такие написания, и можно даже поставить вопрос, не являются ли случаи написания малого юса («я») после «ч» и «щ» данью болгарской традиции.

б. Несколько иную картину дают «у» и «ю»: при последовательном написании «жу» (4 случая), «шу» (10 случаев) и «щю» (7 случаев) мы видим постоянное «цю» (6 случаев) и сильное преобладание «чю» (10 случаев) над «чу» (2 случая). Возможно, что отверждение «щ» является чертой промежуточной, новгородской, как предполагает академик Обнорский; с другой стороны, преобладание форм с «чю» типично для новгородского договора 1189 г. при последовательно проведенном написании «жа» и «ша».¹¹ Русская графика, а вероятно, и русское произношение XII в. не знали строгого однообразия во всех этих случаях, и приводить живое разнообразие к одному знаменателю кажется нам излишним ригоризмом.

4. Таким же излишним ригоризмом является строгое проведение в реконструкции употребления «ы» после задненёбных согласных. Проф. Нах-

⁸ Между тем в «Изборнике» Святослава надпись на миниатюре гласит «Гълеб» (не варяжское ли имя «Gudleif»?). Проф. Нахтигаль не принял этого во внимание и оставил «Глеб».

⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 140. Договор Новгорода с немцами 1189 г. (сохранившийся в точной дипломатической копии 1257 г.) показывает уже полное прояснение глухих, а «ь» остается в нем как графический знак, часто равный «е» («пойдѣть», «повержѣть» и т. п.).

¹⁰ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 147—148.

¹¹ «чюжее», «свѣжють», но «тяжа» (4 раза), «рубѣжа», «сажати», «прашати».